

войны (1941-1945 гг.), так и в ходе локальных конфликтов. В настоящее время в армиях всего мира остро стоит вопрос обучения войск ведению боя в городских условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов, И. Война будущего: взгляд из-за океана. Военные теории и концепции современных США – М., 2004.
2. Битва за Грозный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bratstvo.ucoz.com/index/0-61>
3. Войны XXI века: формы и способы ведения боевых действий в городских условиях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://city.htm>
4. Никифоров, Н. Штурмовые бригады Красной Армии. В боях за Советскую Родину. – М., 2008.
5. Веремеев, Ю. Штурмовые группы. (Бой в крупном городе). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/sturmgrup>

УДК 930(438).07

МЕЖДУ РОМАНТИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ: ПАДЕНИЕ ПОЛЬШИ В ИЗОБРАЖЕНИИ Ю. КРАШЕВСКОГО С.В. Заневский

УО «Гродненский государственный университет им. Я Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

В предлагаемой статье автор на примере проблемы разделов Речи Посполитой проанализировал основные изменения в проведении исторического исследования в условиях перехода от романтизма к реализму. Данный материал позволяет по-новому взглянуть на сущность переходной эпохи и её влияние на историческую науку.

In this article the author describes the problem of transition from Romanism to Realism in polish historical science. It based on the analyses of the creation famous polish publisher and literature Julian Kraszewski. Offered material suggests to look in a new fashion at a problem.

Границы эпох зачастую бывают настолько условными, что определить их точно иногда бывает невозможно. Это касается и исторической науки. Кого из авторов относить к новой эпохе, а кого оставлять за её границами? Очень часто в творчестве одного историка проявляются черты, свойственные сразу двум эпохам. Подобная ситуация сложилась и с видным польским литератором Ю. Крашевским. Его исторические труды раннего периода (эпохи романтизма) изучены и проанализированы. Вместе с тем поздняя работа автора («Польша в эпоху трёх разделов») фактически осталась незамеченной. Однако именно в ней очень чётко проявились тенденции, присущие новой эпохе в польской исторической науке.

Период, когда историки в своих исследованиях придерживались в первую очередь поставленных политических целей, апогей которого

приходится на середину 1860-х гг., сменяется плюрализмом мнений, стремлениями польских историков отказаться от навязанных взглядов и добиться, нередко в противоположность своим собственным позициям и идеалам, раскрытия истинного положения вещей в истории. Профессор Павинский в одной из своих рецензий указывал тот новый принцип, которым стали руководствоваться историки в исследовании одного из самых сложных периодов в польской истории – упадка и исчезновения с политической карты Европы Речи Посполитой: «Хотя и печальна и горька история падения, ничто не должно удерживать наших историков, оживлённых духом своего великого призвания, от искания и оглашения истины» [2, с.291]. Во многом этому способствовала отдалённость от описываемой историками эпохи, что также играло большую роль в объективном отображении ими материала.

Н.И. Кареев указывает на ещё одно обстоятельство, выгодно отличающее польскую историографию середины 1880-х гг. от исторической науки 1860-начала 1880-х гг. «Одна из особенностей польских историков, в сравнении с прежними, заключается в том, что они уже менее игнорируют исторические труды, написанные не польски, а это не могло не отразиться выгодным образом на новейших польских исторических работах: новые методы, новые данные, с какими современные польские историки, без различия школ, знакомились у чужих писателей, должны были расширить умственный кругозор этих историков и внести в их исследования более научного духа. Прежние историки, описывая последние времена Речи Посполитой, были, прежде всего, патриотами, у которых на первом плане – чувство, настроение, тогда как теперешние, прежде всего, хотят быть настоящими учёными, стремящимися к объективной истине. Об этом говорят и сами историки» [2, с.290-291].

Ю.И. Крашевский является одним из известнейших польских писателей XIX в., который ещё при жизни обрёл популярность не только у себя на родине, но и за рубежом. Он был достаточно плодотворной личностью и оставил после себя более полутысячи томов наследия: труды по литературе, истории, этнографии и т.д. [7, с.394]. Увлёкшись модой времени – занятием истории (по воспоминаниям современников дневники либо мемуары не писал в то время только ленивый [1, с.23, 29-31]) Юзеф пишет большую работу, в которой исследует нравы и обычаи не современного ему общества, а эпохи вековой давности. Дело в том, что столетний «юбилей» вызвал в первой половине 70-х гг. XIX в. в исследовательской среде новый всплеск интереса к событиям падения Речи Посполитой. В результате

на протяжении 1873-1875 гг. в Познани выходит его трёхтомное сочинение «Польша в эпоху трёх разделов: очерки по истории духа и обычаев», которое по своему стало важным шагом в развитии польской историографии второй половины XIX в. Уже в этом труде явно прослеживается тенденция на применение в исследованиях историками новых подходов и методов [5, t.1, s.I-III].

В предисловии к труду автор чётко обозначил цель своей работы – отыскание истины, а не служение злобе дня, как поступали его предшественники. Разбирая накопленный опыт изучения эпохи, автор делит их работы на две категории: «двояким образом писали историю того времени: как апологию погубленной Польши или как страшную и злобную по отношению к нам тех, которые хотели оправдаться в совершённом ими насилии, но полной беспристрастной истины никто не хотел или не мог написать» [5, t.1, s.5-6].

Вместе с тем в работе чувствуется нехватка профессиональных исследовательских навыков. Современникам и потомкам он запомнился, в первую очередь, как крупный романист [7, s.394; 4, s.119]. «Польша в эпоху трёх разделов» выделяется хорошим художественным стилем, яркостью в раскрытии описываемых им исторических персонажей и всей эпохи, однако сама научность в работе представлена на невысоком уровне. Историк ставил перед собой задачу, прежде всего в накоплении максимального и разностороннего материала, раскрывающего внутреннюю жизнь Речи Посполитой в последней трети XVIII в. во всей её полноте (в этом он видел плюрализм мнений) зачастую доверяя всем фактам без исключения и не подвергая их анализу на достоверность. Порой исследователь противоречит сам себе, а иногда его мысли и вовсе не ясны. Во многом противоречивость автора в изложении объясняется его стремлением оторваться от старых, изживших себя политизированных схем и раскрыть действительные причины падения Речи Посполитой. Однако чувствовалось, что новое направление ещё только становилось на тернистый путь своего развития, многие его тезисы ещё не были проработаны должным образом. И поэтому там, где автору приходилось встречаться с определёнными трудностями, он возвращался к старой традиционной исследовательской схеме. Это наиболее отчётливо проявилось в вопросе о польской шляхте.

Следует оговориться: автор ставил перед собой задачу раскрыть внутреннее состояние польского государства в период 1772-1799 гг. Поэтому в труде Крашевского мы не встретим привычных для современных ему исследователей изображения политических кабинетных интриг различных государств, военных столкновений

между войсками коалиции «трёх орлов» (России, Австрии и Пруссии) и польскими отрядами. Дать ясный ответ на вопрос, почему Польша пала – вот главная цель, которую поставил перед собой Крашевский. И в своём стремлении автор пошёл не традиционным путём, а заглянул глубже – в черты народной жизни той эпохи, в первую очередь жизни шляхты и её отношение к происходящим вокруг событиям. В изображении шляхты у Крашевского отсутствует строгая определённости: он рисует её, то яркими положительными красками, то очерняет и оглашает виновницей всех бед, происходивших в то время в государстве. Автору явно симпатизировали черты старой шляхты. С ней он связывал былое величие польского государства, однако именно в сохранении старых патриархальных черт Крашевский видел предвестники надвигающейся гибели Речи Посполитой. Здесь, в изображении образа польской шляхты и произошло столкновение писателя-романтика и строгого учёного-критика, пытавшегося добиться истины. Весьма оригинальна для того времени идея Крашевского о предрёшенности судьбы Речи Посполитой. «Падение Польши было лишь вопросом времени», – утверждал исследователь [5, t.1, s.13]. Автор искренне верил в миссию Польши быть посредницей между Востоком и Западом, а потому столкновение её с Россией он считал неотвратимым. «Природа и характер делали из России и Речи Посполитой противников, они должны были слиться, либо бороться до конца». Безысходность положения аристократия поняла быстро – согласно Крашевскому – сразу после первого раздела, а поэтому она стала заботиться не о благе оставшихся частей государства, а о сохранении своих золотых вольностей [2, с.300, 306; 5, t.1, s.21-22, 69-72]. Для этого она воспользовалась незавершённостью юридического положения российского дворянства, используя связи с одним из влиятельнейших лиц в России, особо приближённым к императрице князем Г.А. Потёмкиным [3, с.18, 20, 33; 5, t.1, s.288].

Из всех стран, участвующих в разделе Речи Посполитой, симпатии автора явно были на стороне России. «Россия должна была стремиться добыть всю Польшу, но со своей задачей она не справилась». Не умея ждать, Россия пригласила и другие страны участвовать в дележе польского государства. Союз с Россией для Речи Посполитой был менее опасен, нежели четвертование [2, с.298, 306]. Однако вместо того, чтобы заключить его, поляки погрязли во внутреусобной борьбе. А когда время было уже упущено, они встали на борьбу за свою независимость. При этом основную долю вины в падении польского государства Крашевский возлагал на крупную аристократию. У Польши была лишь одна сила, способная коренным

образом изменить ситуацию – сословие шляхты. Однако автор задаёт себе вопрос: «Была ли она по-прежнему такой же решительной и надёжной, как во времена короля Собеского, когда народ смело возлагал на неё свои надежды?» Ответ он находит не утешительный. «В ту пору, когда происходил первый раздел, аристократия была уже такой прогнившей и неспособной на обдуманные поступки, что край вряд ли мог на ней удержаться» [5, t.1, s.72, 218]. Не видящие ничего вокруг себя, кроме своих собственных привилегий, представители шляхетства стремились лишь к одному – их сохранению в условиях развала собственного государства. Автор вновь возвращается к России, явно идеализируя польско-русские отношения в самой Речи Посполитой. Это дало ему повод утверждать, будто польская шляхта и русское дворянство имели равные права [5, t.3, s.355]. Именно поэтому, утверждает Крашевский, за помощью в своей цели шляхта обратилась именно к России и в дальнейшем, при окончательном падении Речи Посполитой, вхождение одних (польской шляхты) в состав других (русского дворянства) не должно было вызвать достаточно больших трудностей. Равность положения, согласно автору, способствовала тому, что шляхта и дворянство имели на территории двух государств в своём владении недвижимое имущество и не находили особых трудностей в адаптации к условиям жизни в новой стране. Вместе с тем эти мысли противоречат идее Крашевского, затронутой нами ранее, - о неравенстве положения аристократии в обоих государствах и использовании шляхтой процесса юридического оформления российского дворянства для сохранения хотя бы части своих привилегий. Крашевский также наивно предполагал, что русское дворянство, которое осело в Польше, должно было давать присягу на верность королю, как это делала шляхта отошедшей в результате разделов Речи Посполитой территории в состав русского государства [5, t.3, s.355]. В этом автор видел признак равноправных отношений между двумя государствами, которого, однако, не существовало.

Автор также не проявляет достаточной определённости в своих отношениях к России. Он то обвиняет её за то, что она позволила четвертовать Польшу своим союзникам по коалиции, нежели поглотить её полностью, то резко критикует Екатерину за совершение разделов вместо того, чтобы выступать гарантом защиты её безопасности, как того требовал договор 1768 г. «Пока совпадают интересы России и Польши – она проявляет апатию к внутренним польским делам», но как только ей это становится невыгодно – императрица призывает на помощь Австрию и Пруссию и допускает грабительский раздел Речи Посполитой [5, t.1, s.13].

Во всех этих противоречиях и неопределённых в очередной раз проявляется борьба двух течений в творчестве Крашевского: данные, полученные в процессе исследования, переплетаются в нём с идеализацией исторического прошлого, свойственной больше писателям и публицистам эпохи романтизма. Нельзя забывать, что Крашевский был известным романистом, у которого на момент первого выхода в свет «Польша в эпоху трёх разделов» уже был богатый более чем 40-летний опыт издания художественных и публицистических произведений. Тогда как этот труд был фактически его первым опытом научного исторического исследования, исключавшим романтическую интерпретацию прошлого. Вместе с тем нужно отдать автору должное за то, что он не побоялся в условиях очередного всплеска исторической, политически ангажированной публицистики, вызванного 100-летним юбилеем падения польской государственности отбросить противоречие его взглядам данные и, на основе накопленного материала, выдвинуть новые смелые предположения. Таким образом, классики польского реализма вполне заслуженно видели в Крашевском своего предтечу и наставника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Билютенко, Е.И. Романтическая шляхетская гавнда в польской прозе XIX века / Е.И.Билютенко. – Гродно: ГрГУ, 2008
2. Кареев, Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе / Н.И. Кареев. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1889
3. Лапатин, В.С. Светлейший князь Потёмкин / В.С.Лапатин. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005
4. Grabski, A.F. Zarys historii historiografii polskiej / A.F. Grabski. – Poznan: wydawnictwo Poznanskie, 2010
5. Kraszewski, J.I. Polska w czasie trzech rozbiorow 1772-1799. Studia do historii ducha I obyczaju / J.I. Kraszewski. – Warszawa: naklad Gebethnera I Wolfa, 1902 – Tom 1: 1772-1787.; Tom 2: 1788-1791; Tom 3: 1792-1799
6. Kraszewski, J.I. My I oni: Obrazek narysowany z natury / J.I. Kraszewski. – Krakow: wydwo “Nowej Reformy”, 1902
7. Krajewska, M. Józef Ignacy Kraszewski na Wołyniu / M.Krajewska // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. – Вип. 11. – 2007. – С.394-398